

Чистович Илларион Алексеевич

**Древнегреческий мир и
христианство в отношении к
вопросу о бессмертии и будущей
жизни человека**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
И44

И44 **Илларион Алексеевич Ч.**
Древнегреческий мир и христианство в отношении к вопросу о бессмертии и будущей жизни человека / Чистович Илларион Алексеевич – М.: Книга по Требованию, 2023. – 215 с.

ISBN 978-5-521-30319-9

ISBN 978-5-521-30319-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

О первоначальной религіи Грековъ мы знаемъ мало достовѣрнаго. Можно сказать только со всею вѣроятностью, что тѣ религіозныя представленія Грековъ, какія мы находимъ въ гомеровскихъ поэмахъ, принадлежатъ сравнительно уже позднему времени; что много столѣтій должно было пройти прежде, чѣмъ появились эти поэмы и то міровоззрѣніе, которое составляетъ ихъ содержаніе. Онѣ принадлежатъ къ гелленскому періоду греческой исторіи, которому долженъ былъ предшествовать патріархальный бытъ греческаго народа. Зевсъ и Олимпійцы, въ кругу которыхъ обращаются ихъ религіозныя представленія, также относятся къ прежнимъ богамъ, какъ царь Агамемнонъ къ главамъ семей и родовъ въ патріархальную эпоху греческой жизни. Гомерическому религіозному сознанію, въ которомъ боги идеализированы уже въ значительной степени, должно было предшествовать міровоззрѣніе менѣе развитое, болѣе близкое къ природѣ, отождествляющее Божество съ міровыми силами, то благотворно, то разрушительно дѣйствующими на человѣка. Таковъ по всѣмъ аналогіямъ и былъ культъ Пеласговъ.

Но этотъ періодъ изъ жизни Грековъ, имѣя свое значеніе для развитія народнаго духа, безслѣдно пропалъ для ихъ исторіи, точно такъ, какъ пропадаютъ безслѣдно для воспоминанія первые дѣтскіе годы жизни cadaго человѣка. Исторія, притомъ еще на по-

товину перемѣшанная съ баснею, начинается для Грековъ только съ героическаго періода. Поэтому и о вѣрованіяхъ Грековъ этого періода въ будущую жизнь мы не знаемъ и не можемъ сказать ничего достовѣрнаго; но имѣемъ всѣ основанія предполагать, что Грекамъ и этого ранняго времени не была чужда идея будущей жизни, хотя въ самой грубой формѣ, потому что эта идея, составляя существенный элементъ религіознаго чувства, есть повсюдный спутникъ каждаго человѣка и каждаго народа на жизненномъ пути.

І. ДРЕВНѢЙШІЯ ПРЕДСТАВЛЕНІЯ ГРЕКОВЪ О ЖИЗНИ ЗА ГРОБОМЪ И О ПОДЗЕМНОМЪ МІРѢ. — ГОМЕРЪ И ГЕСІОДЪ.

Гомеръ рѣдко касается мысли о смерти. Но это не было слѣдствіемъ того, что онъ въ спокойной разсудительности понималъ всю важность смерти, а потому, что мысль о смерти заключаетъ ужасъ, о которомъ онъ не любитъ вспоминать. Мракъ смерти, низводящей души въ Аидъ, ненавистенъ ему въ такой же мѣрѣ, въ какой вождѣнненъ свѣтъ жизни. Ненавидѣть кого нибудь какъ смерть означаетъ у Гомера самую высокую степень ненависти. Аидъ—также богъ, но поэтъ въ самыхъ рѣзкихъ выраженіяхъ представляетъ его ненавистнѣйшимъ изъ всѣхъ боговъ. Гомерическій человѣкъ страшится этого темнаго царя ужасовъ, какимъ, конечно, онъ только и могъ его представить. Онъ не безразличенъ къ тому—поражаетъ ли его тихая стрѣла бога на полѣ битвы, гдѣ онъ и находитъ славную смерть, или его снѣдаетъ угрюмая старость и длительная болѣзнь (Одисс. XI, 172): но во всякомъ видѣ входъ въ Аидъ, въ эту страшную обитель мертвыхъ, представляется ему тягостнымъ. Передъ ужасомъ смерти ступенывается и содрагается всякое мужество. Храбрѣйшіе герои теряютъ всякое самообладаніе при мысли о смерти. Кто не знаетъ знаменитаго изреченія Ахиллеса, обращеннаго имъ къ сошедшему въ преисподнюю Одиссею? Одиссей утѣшаетъ его, напоминая о его доблестяхъ въ жизни и указывая на величіе его по смерти:

Живаго тебя мы какъ бога безсмертнаго чтили;
Здѣсь же, надъ мертвыми царствуя, столь же великъ ты,
какъ въ жизни
Нѣкогда былъ. Не ропщи же на смерть Ахиллесъ бого-
равный.

Но Ахиллесъ отвѣчаетъ, тяжело вздыхая:

О Одиссей, утѣшенія въ смерти мнѣ дать не надѣйся.

Лучше бѣ хотѣлъ я живой, какъ поденщикъ, работая
въ полѣ,

Службой у бѣднаго пахари хлѣбъ добывать свой насущный,
Нежели здѣсь надъ бездушными мертвыми царствовать
мертвый. ¹⁾

Онъ былъ слишкомъ великодушенъ, чтобы промѣнять жизнь безъ славы на смерть съ послѣдующею славой и чтобы отказываться мстить своему врагу, сберегая собственную жизнь. «Что мнѣ въ жизни? Смерть принять готовъ я. Лягу, гдѣ суждено, но сіяющей славы я прежде добуду» ²⁾. Но по смерти онъ оплакиваетъ жизнь, потому что жизнь есть все для гомерическаго человѣка—поприще его дѣятельности и время его любимѣйшихъ наслажденій.

Съ смертію не прекращается его бытіе, не прекращается сознаніе, но прекращается *жизнь*, которая въ гомерическомъ сознаніи тѣсно связана съ тѣлеснымъ, чувственно-осязаемымъ. Это высказывается уже въ первыхъ стихахъ *Иліады*, гдѣ говорится, что гнѣвъ Ахиллеса послалъ *души* героевъ въ Аидъ, но *сами они* сдѣлались добычею хищныхъ птицъ и звѣрей. Слѣдовательно то, что составляетъ *самыхъ* героевъ, есть ихъ тѣлесность, и ее-то разрушаетъ смерть. Лучшая часть человѣка—тѣло—мгновенно и невозвратно исчезаетъ въ смерти; какія же надежды могутъ оставаться для слабой части его—души?

Въ душѣ прекращается разумъ и остается только какое-то

¹⁾ Одисс. XI, 485—491.

²⁾ *Иліад*. XVIII. 100—121. Ср. *Платон*. *Федръ*, 179, Е. «Ахиллесъ, узнавъ отъ своей матери, что если онъ убьетъ Гектора, то умретъ, а если не убьетъ, то возвратится домой и скончается въ старости, рѣшился избрать первое—помочь любовному Патроклу и, съ местию въ душѣ, умереть за друга».

смутное сознаніе, такое же подобіе яснаго сознанія, какое составляет тѣнь или привидѣніе въ отношеніи къ живому тѣлу. Только Тирезію еивскому оставленъ разумъ:

Разумъ ему сохраненъ Персефоной и мертвому; въ Аидѣ
Онъ лишь—съ умомъ; всѣ другіе безумными тѣнями вѣ-
ютъ ¹⁾.

Существованіе душъ въ Аидѣ представляется блужданіемъ бездѣятныхъ и блѣдныхъ безжизненныхъ тѣней. Отшедшая душа есть тѣнь предъ собственнымъ, *самымъ* человекомъ т. е. предъ его цвѣтущею и полножизненною тѣлесностію ²⁾. Только послѣ вкушенія крови возвращается тѣни воспоминаніе, разумъ и духовная сила:

Та изъ безжизненныхъ тѣней, которой приблизиться къ крови
Дашь ты, разумно съ тобою начнетъ говорить; но без-
молвно

Та отъ тебя удалится, которой ты къ крови непустишь ³⁾.

Только чрезъ вкушеніе крови мертвые становятся различными по возрастамъ, полу, состоянію, занятіямъ и всѣмъ свойствамъ ихъ земной жизни. Поэтому и жизнь въ Аидѣ мрачная, печальная. Ахиллесъ, увидѣвъ Одиссея сошедшаго въ Аидъ, спрашиваетъ у него:

Какъ проникнулъ въ предѣлы Аида, гдѣ мертвые только
Тѣни отшедшихъ, лишеныя чувства, безжизненно вѣютъ ⁴⁾.
Тирезій еивскій также обратился къ нему съ вопросомъ:
Что злополучный тебя побудило, покинувъ предѣлы
Свѣтлаго дня, подойти къ безотрадной обители мертвыхъ ⁵⁾?

¹⁾ Одисс. X, 494—495.

²⁾ Тихо душа излетѣвши изъ тѣла нисходитъ къ Аиду,
Плачась на жребій печальный, бросая и вѣрность и юность.
(Иліад. XVI, 855).

Душа Менетида, какъ облако дыма, сквозь землю
Съ воємъ ушла.

(Иліад. XXIII, 100).

³⁾ Одисс. XI, 147. Сравн. 35, 45. X, 390.

⁴⁾ Одисс. XI, 475.

⁵⁾ Одисс. XI, 93.

Въ этомъ Аидѣ, который представляется то по ту сторону Океана, то подъ землею ¹⁾), влечать свою печальную судьбу вмѣстѣ добрые и злые, благочестивые и злодѣи. Исключеніе сдѣлано только для нѣкоторыхъ избранныхъ и любимцевъ боговъ, которымъ дано радостное продолженіе жизни вмѣстѣ съ земнымъ тѣломъ, такъ какъ они живыми переселены съ земли. Къ этому числу избранныхъ принадлежатъ Радамантъ, Миносъ и Менелай ²⁾). Съ другой стороны только немногіе презрители боговъ и злодѣи осуждены на особенныя мученія въ тартарѣ, каковы Титій, Танталъ и Сизифъ ³⁾). Но это — не люди, прогнѣвавшіе боговъ несправедливостью, а титаны, ведшіе войну противъ боговъ, побѣжденные ими и осужденные на безконечныя страданія. Титій прикованъ къ скиѣскимъ горамъ; голодный коршунъ терзаетъ безпрестанно возраждающуюся его печень. Тантала мучить въ аду палаящая и неутолимая жажда. Сизифъ осужденъ вѣчно носить на верхъ горы камень постоянно скатывающійся внизъ. Эти наказанія соотвѣтствуютъ титаническимъ силамъ, не знающимъ предѣла и мѣры.

Такимъ образомъ гомерическое сознаніе въ отношеніи къ разсматриваемому вопросу — состоянію по смерти — находится въ постоянномъ колебаніи. Оно безпомощно противъ смерти, не надѣется, но и не отчаявается совершенно. Естественное чувство поэта не допускаетъ мысли, что вмѣстѣ съ смертію все уничтожается для человѣка; но, съ другой стороны, формы этого бытія имѣютъ такъ же мало опредѣлительности, какъ и состояніе души, оставляющей тѣло. Наконецъ у поэта уже пробуждается нравственное сознаніе, которое по крайней мѣрѣ для великихъ преступниковъ требуетъ наказанія и для особенно добрыхъ — счастливаго существованія по смерти. — Такимъ образомъ на этомъ свѣтломъ пиру жизни, какимъ она изображается у Гомера, нравственность оставалась безъ опоры, смерть безъ утѣшенія.

Поэзія *Гесіода* имѣетъ иной характеръ, нежели поэзія Гомера. У него нѣтъ той юношеской веселости и беззаботности, которыми дышетъ поэзія Гомера. Нужды жизни, передуманныя и прочувствованныя, положили печать серьезности, озабочен-

¹⁾ Иліад. XXII, 482.

²⁾ Одисс., IV, 561—568.

³⁾ Одисс., XI, 576—600.

ности и грусти на его поэзію. Его смущает безотрадная судьба человеческой жизни. Онъ ищетъ способовъ улучшить эту жизнь, успокоить остававшееся безъ опоры религіозное чувство и ввести идею справедливости въ нравственный и духъ порядка во внѣшній строй жизни. Практическій интересъ составляетъ жизненный мотивъ его поэзіи. — Въ своей «Теогоніи» Гесіодъ приводитъ въ систему религіозныя вѣрованія Грековъ, опредѣляетъ и устанавливаетъ взаимныя отношенія между родами и поколѣніями боговъ и такимъ образомъ приводитъ къ единству и общему плану разрозненныя вѣрованія и соответствующія имъ религіозныя легенды. Все, что не вошло въ эту систему, осталось внѣ круга общей, народной вѣры, какъ мѣстное вѣрованіе, какъ мѣстный мифъ. Но вводя Божество въ общій ходъ міроваго развитія, полагая первоначальнымъ Хаосъ, изъ котораго произошли потомъ Земля и Небо и всѣ генерации боговъ, онъ стоитъ еще на той точкѣ зрѣнія, на которой Божество сливается съ міромъ, не возвышаясь надъ нимъ ни происхожденіемъ, ни природою (ὡς ὁμόθεν γεγάσσι θεοὶ θυγατρὶ τ᾽ ἀνθρώποι. Hesiod. "Erg. 108). Поэтому идея творенія еще чужда его сознанію. Въѣсть съ тѣмъ судьба человека, хотя введена въ общую законосообразность міровой жизни, является однакожъ печальною и безотрадною. Ни одинъ лучъ свѣта не озаряетъ темныхъ путей человеческой жизни за гробомъ. Домъ страшнаго Ада представляется страшнымъ жилищемъ. — По основной идее другой поэмы — «Работы и Дни» — поколѣнія людей становятся все хуже и хуже, пока наконецъ единственная охраны жизни — стыдъ и справедливость — не уйдутъ отъ людской злобы къ безсмертнымъ богамъ, оставивъ людей переполнять мѣру беззаконій.

II. НОВАЯ ФОРМА ГРЕЧЕСКАГО СОЗНАНІЯ ВЪ ПОСЛѢ- ГОМЕРОВСКОЕ ВРЕМЯ. — МИСТЕРІИ.

Представленія древнихъ Грековъ о судьбѣ душъ по смерти еще не развились до ученія собственно о безсмертіи и тяготѣли крѣпко къ посю-стороннему, къ матери-землѣ. Гомерическій человекъ менѣе занимается мыслію о ту-стороннемъ, нежели земнымъ, настоящимъ.

Такія представленія—были льонѣ всеобщими и составляли общую форму греческой религіозной вѣры, или принадлежали только къ тому, болѣе или менѣе ограниченному, кругу религіозныхъ идей, представителемъ котораго былъ Гомеръ — не могли очень долго, тѣмъ болѣе всегда, удовлетворять религіозному чувству народа, быстро подвигавшагося на пути общественной жизни и образованія. Весьма значительная перемѣна въ греческой мысли и жизни совершилась въ четыре вѣка, прошедшіе между Гесіодомъ и персидскими войнами.

Ко *внѣшней* сторонѣ обстоятельствъ, дѣйствовавшихъ отрицательнымъ, разлагающимъ образомъ на религіозную вѣру греческаго народа, принадлежали:

1) Чрезвычайное множество и разнообразіе мѣовъ, которое, такъ сказать, загромождало религіозное чувство и не давало ему твердой опоры и сосредоточенности. Эта несоразмѣрность мѣологии съ первоначальною религіозною нуждою, по естественному ходу вещей, должна была вызвать реакцію, которая обнаружилась невѣріемъ въ цѣлый Олимпъ. Нѣкоторую долю этого наслоенія мѣовъ можно изъяснять, конечно, изъ естествен-

наго хода развитія религіознаго сознанія, возвышавшагося отъ грубыхъ формъ къ болѣе чистымъ, отъ чувственнаго представленія къ болѣе духовному, идеальному представленію; но затѣмъ весьма значительная часть міеонъ обязана своимъ происхожденіемъ не столько дѣйствительнымъ психологическимъ потребностямъ, сколько склонности къ художественнымъ олицетвореніямъ, принявшей у Грековъ фантастическіе размѣры. Старые и новые боги толпились въ религіозномъ міросозерцаніи Грековъ, не оставляя чувству свободы сосредоточиться въ религіозномъ воодушевленіи. Къ богамъ туземнымъ присоединились, сверхъ того, боги пришлые, заявившіе такъ же свои права на религіозное почтеніе и служеніе. Сначала, въ эпоху сильнаго духовнаго творчества, Греки передѣлывали ихъ на свой ладъ, возводили ихъ въ религіозно-художественные типы, сообразно съ природою своего народнаго духа; но по мѣрѣ оскуднѣнія или ослабленія духовной силы народа ослабѣла творчески-возсоздающая дѣятельность его и въ этомъ отношеніи, и греческій политеизмъ принялъ формы религіознаго синкретизма. Чужіе боги приходили къ нимъ уже не измѣняя своего образа, и овладѣвали ихъ вѣрою не встрѣчая никакой реакціи, никакого противодѣйствія.

2) Локализація міеонъ. Смотря на множество и разнообразіе религіозныхъ міеонъ Греціи довольно трудно положить черту между тѣмъ, что составляло общее содержаніе религіознаго сознанія Грековъ, и безчисленными мѣстными культами, на которыя оно раздробилось въ разныхъ частяхъ Греціи.

Во всякомъ случаѣ однѣ и тѣ же божества почитаемы были въ культахъ разныхъ мѣстностей подъ самыми разнообразными формами. Въ интересахъ этихъ мѣстностей, а частію конечно и въ интересахъ жречества, міеы обособлились со временемъ все больше и больше. Когда такимъ образомъ прославились многія храмовыя мѣста, какъ мѣста рожденія тѣхъ или другихъ боговъ или какъ поприща ихъ чудесъ, естественно было возникнуть между ними соревнованію и соперничеству; всякое стремилось въ соответственной мѣрѣ выдаться предъ другими; а это, въ свою очередь, еще болѣе способствовало развитію мѣстныхъ преданій и легендъ и запутывало генеалогію божествъ и культовые формы все больше и больше.

Нѣкотораго рода преувеличенія и противорѣчія, естествен-

ныя послѣдствія такого широкаго міѳообразованія, повлекли за собою упадокъ народной вѣры, оскудѣніе религіознаго благоговѣнія, и вызывали даже насмѣшку. Уже во время Гомера можно примѣтить, какъ произвольно и въ тоже время неуважительно пѣвцы при дворахъ роскошныхъ государей вымышляли разныя легенды и приписывали богамъ и богинямъ, которыхъ прежде почитали съ благоговѣніемъ, различныя забавныя шутки, неблагоприличныя превращенія и пустенькія проказы ¹⁾).

3) Къ числу этихъ же обстоятельствъ нужно отнести и то, что греческая религіозная вѣра встрѣчаясь, особенно на окраинахъ греческаго міра и въ греческихъ колоніяхъ, съ религіозными вѣрованіями и культами другихъ народовъ, родственныхъ Грекамъ и чуждыхъ имъ по племенному происхожденію, не могла не вступить съ ними въ разнообразныя отношенія, не могла не принять тѣхъ или другихъ элементовъ изъ этихъ культовъ, потому ли, что они представляли нѣкоторое сходство съ греческою религіозною вѣрою, или потому, что они болѣе удовлетворяли религіознымъ потребностямъ, нежели домашнія такъ сказать, туземныя вѣрованія. Въ этомъ отношеніи наибольшее значеніе для Грековъ и наибольшее вліяніе на ихъ религіозное сознаніе имѣли съ одной стороны—на европейскомъ Сѣверѣ—Θρακία, которой пѣвцы и религіозные обычаи уже издавна знакомы были Грекамъ и не казались имъ совершенно чуждыми; съ другой—Фригія, Сирія и Египетъ, въ культахъ которыхъ также много было родственныхъ чертъ съ различными культами въ честь греческихъ олимпійскихъ божествъ.

4) Около половины VII вѣка до Р. Х., со времени Псаммитиха, для Грековъ сталъ открытъ доступъ въ Египетъ, который уже издавна привлекалъ ихъ къ себѣ славою своихъ учреждений и, еще больше, своею таинственностью. Но какъ любознательность влекла ихъ на Востокъ, такъ предприимчивость и практическіе расчеты направляли ихъ къ Сѣверу и Западу, гдѣ раскинулись такъ широко греческія колоніи и производилась обширная торговля. Послѣдствіемъ этихъ сношеній съ европейскимъ Сѣверомъ и Западомъ съ одной, и съ Египтомъ съ другой стороны, было чрезвычайное накопленіе положительныхъ

¹⁾ Напримѣръ пѣснь Демодока въ VIII книгѣ Одиссеи.